

Проблема описания слов, выражающих человеческие эмоции и ментальные состояния (в терминологии Анны А Зализняк, "предикатов внутреннего состояния"), стара как сама семантика и, как всякая классическая проблема, встает перед каждым новым поколением лингвистов, все еще далекая от окончательного разрешения. Анне А Зализняк удалось найти собственный подход к этой вечной теме, оставаясь в то же время в рамках семантической традиции, восходящей к работам А Вежбицкой и Московской семантической школы. Чтобы определить место предложенного автором подхода полезно в самых общих чертах вспомнить, в каком направлении развивалась лингвистическая семантика в последние десятилетия.

На первоначальных этапах развития семантики значение слова представлялось в виде неупорядоченного набора семантических элементов. Затем было обнаружено, что эти элементы не образуют простую совокупность, а складываются в структуру, в которой каждый из них занимает определенное положение. Следующий шаг состоял в выделении разных частей такой структуры – появились презумптивные и ассертивные компоненты значения, которые, в свою очередь, впоследствии оказались разных типов. Тенденция очевидна: идет все большее усложнение семантического описания, все более детальная дифференциация типов значения.

Одно из направлений развития этой тенденции, нашедшее наиболее полное отраже-

ние в работах Ю Д Апресяна (см., например, [1–3]), привело к появлению двух взаимосвязанных понятий – лексикографического портрета и лексикографического типа. Лексикографический портрет – это такое описание слова, при котором все его свойства представлены во всем богатстве и многообразии. В частности, толкование слова должно в идеале давать исчерпывающее представление обо всех тонкостях его значения. Понятие лексикографического типа, напротив, призвано отразить нетривиальные, лингвистически интересные общие свойства различных лексем, будь то тождественный компонент толкования, близкое синтаксическое поведение, одинаковая просодическая характеристика или что-либо еще. Эти два понятия в совокупности дают возможность, с одной стороны, зафиксировать все лингвистически существенные сходства между словами, а с другой стороны, в полном объеме отдать должное своеобразию каждой отдельной лексемы.

Анна А Зализняк ближе к первому из этих аспектов. Она сознательно отказалась от полноты представления лексического значения и стремится строить свое описание главным образом из тех семантических компонентов, которые релевантны для многих слов данного лексического класса. В этом отношении она продолжает линию, начатую в англо-русском словаре синонимов [4], где провозглашается и проводится принцип описания близких по смыслу слов в терминах общего набора семантических признаков. Из

современных лексикографических проектов, в которых пристальное внимание уделяется сквозным семантическим признакам, можно отметить такие разные работы, как новый толковый словарь синонимов русского языка, составляемый под руководством Ю.Д. Апресяна [5], и семантический словарь, разрабатываемый Е.В. Падучевой и ее сотрудниками [6].

Результат применения этого подхода оказался неожиданным (не удивлюсь, если и для самой Анны А. Зализняк). Выяснилось, прежде всего, что значения таких семантически нетривиальных слов, как предикаты внутреннего состояния, покрываются выделенными ей сквозными компонентами с весьма хорошей полнотой. Во-вторых, обнаружилось, что обширный класс предикатов, связанных с довольно разнообразными внутренними состояниями, можно представить с помощью очень небольшого числа повторяющихся семантических компонентов. Такое описание оказалось не только весьма компактным, но и обладающим значительной объяснительной силой. Повторяющиеся семантические компоненты позволяют предсказать большое число свойств слова, относящихся к очень разным аспектам его поведения. Перечислим несколько из таких предсказаний.

Если в толковании слова есть компонент "говорящий знает, что Р", то можно гарантировать, что у этого слова есть фактивная презумпция. Наличие компонента "мнение" (т.е., 'X считает, что...') определяет то, каким образом слово семантически взаимодействует с некоторыми операторами, в частности, с наречием *напрасно*: одно из значений этого наречия "нацелено" именно на компонент мнения и поэтому сочетается только с такими глаголами, у которых этот компонент имеется (*Напрасно думают, что романы могут быть вредны для сердца* = 'мнение о том, что романы могут быть вредны для сердца, ложно'). Если же в значении слова присутствует ментальный компонент типа 'X считает, что...' или 'X знает, что...', то тем самым обеспечивается управление придаточным с союзом *что*. Простое наличие в толковании элемента 'возможно' (в отличие от 'вероятно') блокирует применение к данному слову трансформации "подъем отрицания" (так, предложение *Я думаю, что дождя не будет* практически синонимично предложению *Я не думаю, что дождь будет*, в то время как *Я уверен, что дождя не будет* значит совсем не то, что *Я не уверен, что дождь будет*).

Опора на повторяющиеся семантические признаки обеспечивает системный подход к лексике и облегчает сопоставление близких

по смыслу слов (например, *бояться, пугаться, опасаться, страшиться* и т.п.) и разных значений одного слова (ср., например, такое многозначное слово, как *бояться*: *Она боится¹ тебя ударить* vs. *Я боялся² ее огорчить* vs. *Он боится³, что его не понимают* vs. *Он боится⁴ перемен*).

Более того. Выделение крупных повторяющихся компонентов значения, как известно, позволяет построить соизмеримые описания одного и того же круга слов из разных языков. Анна А. Зализняк блестяще продемонстрировала это, привлекая к анализу данные как русского, так и французского языков. Здесь автора подстерегала серьезная опасность. Хорошо известно, что описание неродного языка через призму родного может принести больше вреда, чем пользы, навязывая неродному языку несвойственные ему черты. Особенно легко впасть в этот грех, когда речь идет о такой трудноуловимой материи, как лексическое значение, и когда оно прослеживается на такую глубину, до которой доходит в своей работе Анна А. Зализняк. Исследователю, для которого описываемый язык не является родным, невольно склонен "вчитывать" в него те противопоставления, с которыми он сталкивается в родном языке, и одновременно подвергается опасности упустить такие особенности языка-объекта, для которых нет аналога в языке-источнике. Однако если обращаться с неродным языком вдумчиво и тактично, постоянно проверяя себя добротным языковым материалом, можно добиться надежных результатов, как это наглядно показывает рецензируемая книга. В данном случае дело облегчается еще и тем, что анализируемая Анной А. Зализняк лексика описывает своего рода константы человеческой психики, а это дает основания рассчитывать на высокую степень универсальности соответствующих понятий (таких, как страх, надежда, сожаление и т.п.) и тем самым на соизмеримость их семантических воплощений в разных языках. Впрочем, универсальность подобных понятий не следует и преувеличивать. Как показал Ю.Д. Апресян [7], даже такие близкие по смыслу слова, как русское *хотеть* и английское *want* совпадают не полностью: в первом из них ошутим компонент воли, в то время как во втором присутствует идея потребности.

Описание лексического значения в терминах небольшого числа исходных семантических компонентов предъясняет особые требования как к принципам описания, так и к выбору и обоснованию самих этих компонентов. Эта задача решается в первых двух главах книги.

В главе I, посвященной общим проблемам анализа предикатов внутреннего состояния, мне хотелось бы выделить одну тему, представляющую интерес, выходящий далеко за рамки предикатов внутреннего состояния. Выше уже упоминалось об идущем в лингвистике процессе дифференциации статусов, которые может иметь некоторый семантический компонент в составе толкования слова (ср., например, ассертивный и презумптивный статус). В этой связи необходимо отметить введение и последовательное использование Анной А. Зализняк важного теоретического понятия – "неустойчивый семантический признак".

Понятие неустойчивого семантического признака возникает при наблюдении над тем, что происходит, когда слово, содержащее некоторый семантический компонент F, попадает в контекст, несущий противоположное значение – не –F. Как известно [8], в подобных случаях обычно возникает семантическая дефектность того или иного типа – от противоречия или бессмыслицы, уместящейся в рамках норм языка (типа *Река течет в гору*), до языковой аномалии (типа **Даже Иван-то придет вовремя*). Бывают, однако, ситуации, когда противоречие между семантическими признаками каким-то образом снимается, и предложение остается абсолютно корректным. Анна А. Зализняк выделяет три механизма восстановления языковой правильности в подобных ситуациях.

Главный из них состоит в том, что семантический признак может быть неустойчивым, т.е., попадая в противоречащий ему контекст, он легко исчезает. Предикаты внутреннего состояния предоставляют много примеров неустойчивых семантических признаков. Такова, в частности, положительная оценка пропозитивного объекта у глагола *ждать*. Слово, само по себе не несущее никакой оценки, оказавшись в позиции дополнения при *ждать*, приобретает оценку "плюс": *Он все еще чего-то ждет 'ждет чего-то хорошего'*. Между тем в контексте с явно выраженной отрицательной оценкой объекта это свойство глагола *ждать* легко подавляется: *Жди беды*.

Интересно заметить в этой связи, что неустойчивые признаки могут не только подавляться, но и, наоборот, актуализироваться, создавая широкие возможности для языковой игры. Например, выражение *проходить мимо Р* подразумевает, что субъект не заходит в Р. Однако вполне можно сказать: *Идя с работы, я прохожу мимо булочной и всегда в нее заглядываю*, т.е. признак 'не

заходя в Р' может сниматься. (Отметим, кстати, что это происходит только в несовершенном виде. Предложение **Я прошел мимо булочной и заглянул в нее* неправильно.) С другой стороны, этот признак может быть высвечен и помещен в фокус сообщения. Есть старая английская шутка о том, как некий управляющий отправляет мальчика-посыльного со срочным поручением и дает ему такое напутствие: *On the way, you will pass the park. – Yes, sir. – Well, pass it.* 'По дороге ты будешь проходить мимо парка. Так вот, пройди мимо'.

Устранение неустойчивого семантического компонента – лишь один из способов снятия конфликта между противоречащими смыслами. Автор указывает еще два – переосмысление противоречащего признака и изменения под воздействием признака в семантической структуре элементов контекста.

Правда, примеры, приводимые автором на первую из этих стратегий, не кажутся мне убедительными. Интерпретация сочетаний типа *Надеюсь на поражение* (с. 27) как будто не нуждается ни в каком переосмыслении признака оценки. Просто противоречащие оценки приписаны разным субъектам: то, что, вообще говоря, оценивается людьми со знаком минус, в данных обстоятельствах оценивается говорящим со знаком плюс. Что касается последнего из упомянутых механизмов – трансформации значения контекста под влиянием данного признака – то тут автор находит очень изящный пример с наречием *нарочно*, которое в норме сочетается с контролируруемыми действиями (признак "+контроль"), но возможно и с неконтролируемыми ("–контроль"). В этом случае в значение предложения "вчитывается" какое-то контролируемое действие, не упомянутое эксплицитно: *Она нарочно уронила платок* 'Она бросила ("контроль") платок, но так, чтобы казалось, что уронила ("–контроль")'.

Понятие контроля – еще одно теоретически важное понятие, которое Анна А. Зализняк удалось сделать логически более прозрачным. Автор дает ясное определение контроля, которое достойно того, чтобы его выписать: "про человека X можно сказать, что он контролирует ситуацию Р (или что ситуация Р является контролируемой для X – а), если X является в Р субъектом намеренного действия, результат которого совпадает с объектом намерения и рассматривается как однозначно определяемый предшествующим действием" (с. 64). Многочисленные трудности, связанные с применением понятия контроля на практике, сни-

маются благодаря тому, что предлагается строго различать контролируемость в жизни и в языке (ср. формулировку "рассматривается как" в определении).

В жизни, т.е. на уровне денотатов, контролируемость ситуации – понятие градуальное, и практически полностью контролируемых ситуаций в жизни не бывает: любое, даже самое элементарное действие может, как всем известно, неожиданно натолкнуться на непреодолимую преграду. Что касается языка, т.е. уровня концептов, то здесь выделяется лишь два полярных случая: "+контроль" – ситуация, рассматриваемая как полностью определяемая намерениями субъекта, и "–контроль" – ситуация, рассматриваемая как не полностью определяемая (или вовсе не определяемая) намерениями субъекта. Существенно, что это разбиение в значительной мере носит конвенциональный характер. Так, выражение *поступить в институт* трактуется языком как контролируемое, а выражение *попасть в институт* – как неконтролируемое, хотя в обоих случаях может иметься в виду одно и то же событие.

Для обоснования правомерности введения в инвентарь лингвистических понятий некоторого понятия, в данном случае – понятия контроля, необходимо показать, что оно лингвистически значимо. Иначе говоря, следует убедиться в том, что существуют языковые правила, чувствительные к данному понятию. Иногда говорят, что целесообразность введения признака "контроль" подтверждается некорректностью сочетаний глаголов, обозначающих неконтролируемые ситуации, например, с целевыми обстоятельствами (**он очутился там, чтобы нас встретить*). Однако подобные аргументы нельзя считать убедительными. Достаточно признать, что значение слова *очутиться* содержит компонент типа 'не в результате намеренного действия' (компонент, который должен быть включен в толкование даже при наличии признака "–контроль"), а этот компонент противоречит значению цели.

Более серьезными являются аргументы, демонстрирующие ограничения, не мотивированные лексическим значением столь прямо. Анна А. Зализняк указывает на несколько таких ограничений. Например, у ряда глаголов контролируемая ситуация может быть описана формой как несовершенного, так и совершенного вида, а неконтролируемая – только формой совершенного вида: *Я боюсь у него об этом спрашивать/спросить* (подчиненная предикация описывает контролируемую ситуацию) vs. *Я боюсь разбить /*разбивать чашку* (подчиненная ситуация

неконтролируема и поэтому не может быть оформлена несовершенным видом).

Отметим одну легкую непоследовательность в трактовке понятия контроля в разных разделах книги. В предложении *Я нечаянно выбросил нужные бумаги* (с. 27) противоречие между признаками "–контроль" в наречии и "+контроль" в глаголе разрешается за счет того, что глагол выводится из сферы действия наречия *нечаянно* и тем самым оказывается вне зоны конфликта. Между тем, ниже, подробно характеризуя понятие контроля, автор отмечает, что признак "+контроль" всегда неустойчивый, то есть может подавляться противоречащим контекстом (с. 66). Зачем же тогда нужно постулировать выход глагола из сферы действия наречия?

Вторая глава книги подробно характеризует компоненты семантической структуры предикатов внутреннего состояния, главные из которых – эпистемический и оценочный. В этой связи нужно отметить, что автору удалось внести новую порцию ясности в извечный спор о соотношении знания и мнения. Решение, предлагаемое Анной А. Зализняк и подкрепляемое серьезными аргументами, состоит в том, что знание следует считать неразложимым семантическим понятием наряду с полаганием.

Интересные наблюдения делаются и над синтаксическим поведением соответствующих глаголов. Например, глаголы *знать* и *считать* различаются способом местоименной замены подчиненной предикации. При *знать* подчиненная предикация может заменяться местоимением *это*, а при *считать* – местоимением *так*, но не наоборот: *Я это знаю* vs. *Я так считаю*. Выражение *Я так и знал*, внешне противоречащее этому утверждению, в действительности представляет собой идиоматичный способ выдавания мнения за знание (и этим отличается от *Я это знал*).

Итак, если говорящий имел мнение и оно подтвердилось, то вместо *думал* можно сказать *знал*. Интересно, что здесь имеется красивая симметрия: если говорящий имел знание, которое позже оказалось ложным, то вместо *знал* следует употребить глагол мнения. Так, предложение *Я думал, что он был в театре* не обязательно свидетельствует о том, что говорящий имел мнение. Оно может описывать и такую ситуацию, когда говорящий оценивал свое эпистемическое состояние как знание [9].

Третья глава занимает в книге центральное место. В ней дается подробное и систематическое описание нескольких классов предикатов внутреннего состояния, группирую-

щихся вокруг понятий 'бояться', 'надеяться', 'ждать', 'сожалеть' и 'подозревать'. Описание выполнено по следующей схеме. Предлагается схема соответствующей прототипической ситуации в терминах релевантных для нее семантических компонентов. Затем показывается, каким образом эта прототипическая ситуация преломляется в конкретной лексике. Различия между конкретными словами, покрывающими одну и ту же прототипическую ситуацию, могут касаться как самого набора (факультативных) семантических компонентов, так и их статуса в толковании. В разных словах (или в разных значениях одного слова) на первый план могут выходить разные семантические компоненты. Например, различие между *бояться*² (например, *боюсь шума*) и *бояться*³ (*боюсь отказа*) состоит в том, каким образом распределены по ассерции и презумпции компоненты 'Р вероятно' и 'Р плохо'. В *бояться*² первый компонент является презумптивным, а второй ассертивным, в то время как для *бояться*³ распределение обратное. Иначе говоря, *бояться*² приблизительно означает 'осуществление вероятного события Р плохо', а *бояться*³ – 'осуществление плохого события Р вероятно'.

Выскажу некоторые сомнения, возникшие у меня при чтении описания значения 'ждать 1' (*Я буду ждать тебя в 7 часов у входа в кинотеатр*) – основного значения в группе 'ждать'. Прежде всего, трудно согласиться с формулировкой ассертивного компонента значения 'ждать 1' – 'X находится в промежутке времени $t_0 - t_1$ ' (то есть, в промежутке от начала ожидания до наступления ожидаемого события). Сама идея нахождения лица в некотором промежутке времени кажется семантически некорректной. Кроме того, неясно, как интерпретировать отрицание такого ассертивного компонента, например, в предложении *Я не буду ждать, пока ты соберешься вымыть посуду*. В этом предложении утверждение говорящего состоит, очевидно, не в том, что он не будет находиться в данном промежутке времени, а скорее в том, что он вымоет посуду сам. Состояние ожидания, как кажется, связано не только с тем, что субъект считает наступление события Р возможным и не может его контролировать, но и о т к а з ы в а е т с я от каких-то действий, пока это событие не произойдет. Чаще всего речь идет о непокидании того места, где он находится в момент ожидания *буду ждать тебя у входа* значит 'не уйду, пока ты не придешь'.

С этим же связано и второе мелкое за-

мечание. На стр. 107 для иллюстрации случая, когда местонахождение ожидающего субъекта не совпадает с локализацией ожидаемой ситуации, приводится пример *Я подожду тебя на улице*. Мне кажется, что если дополнение *ждать* выражено именной группой, то ожидаемое событие (в данном случае, приход адресата) локализуется в том же месте, где находится ожидающий. Примером на несовпадение этих двух локализаций может служить предложение, где дополнение выражено иначе *Я подожду на улице пока ты кончишь работать*.

Очень существенно и для концепции автора весьма принципиально, что отдельные значения слов всегда рассматриваются на фоне более общей прототипической ситуации. Благодаря этому автору всегда удается сохранить наглядность и соразмерность описания, не потеряться в деталях и во многих случаях найти убедительное инвариантное значение.

Можно еще долго бродить по книге Анны Андреевны, отмечая тонкие наблюдения, восхищаясь примерами и превосходным языком, которым написана сама книга. Однако лучше предоставить это сделать самому читателю.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Апресян Ю. Д.* Лексикографический портрет глагола *выйти* // Вопросы киберлингвистики. Язык логики и логика языка. М. 1990.
- 2 *Апресян Ю. Д.* Лексикографические портреты (на примере глагола *быть*) // Научно-техническая информация, 1992. серия 2. № 3.
- 3 *Апресян Ю. Д.* Синонимия ментальных предикатов. Группа *считать* // Логический анализ языка. Ментальные действия. М. 1993.
- 4 *Апресян Ю. Д.* Английские синонимы и синонимический словарь // Англо-русский синонимический словарь. М. 1979.
- 5 *Апресян Ю. Д., Богусловская О. Ю., Левонтина И. Б., Урысон Е. В.* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М. 1994.
- 6 *Raducheva E. V., Rakhulina E. V., Filipenko M. V.* Semantic dictionary viewed as a lexical database // Proceedings of the Fifteenth International Conference on computational linguistics (COLING-92). Nantes. 1992.
- 7 *Апресян Ю. Д.* О языке толкований и семантических примитивах // ИАН СЛЯ. 1994. № 4.
- 8 *Апресян Ю. Д.* Языковая аномалия и логическое противоречие // Text. Język. Poetyka, Wrocław. 1978.
- 9 *Дмитровская М. А.* Глаголы знания и мнения (значение и употребление). Дис. канд. филол. наук. М., 1985.

И. М. Богуславский